

Пора (время-бытие). Лекция II (12.09.1995). Часть 1.

Обыкновенное и уводящее от времени понимание времени как пространства для выполнения программ явно не естественно, оно должно быть разобрано (разбор во всех смыслах, как кирпичную стену разбирают). Подозревать здесь можно пафос, почти восторг, с каким встречают (не всегда, правда) новый день, как радуются выигрышу в лотерею: снова ни за что, не заработанная, просто подаренная возможность разместить то что мы имеем, наше экономическое или интеллектуальное хозяйство. Когда новый день встречают угнетенно, то за этим стоит опять то же восприятие времени как возможности, но которая не может быть использована: «солнце светит для других, но не для меня».

Это отношение ко времени можно назвать срывом: мы каждый раз срываемся во время как в пустоту, которая впускает нас планирующих, действующих, сознающих. При таком понимании времени куда-то девается, западает то, что в открывающееся новое время вступает и то в нас и вокруг нас, что мы не замечаем и не можем запланировать. Спрашивается тогда, что же такое «новый день» в обиходном сознании. Это *не* время, а пространство, именно пространство для сознания, очищенное для распоряжения им или для бездействия из-за невозможности им распорядиться. Прошлое настолько отличается от этого подаваемого ежедневно пространства сознания, что под тем же самым словом имеется в виду другое: «*то* время», «время Хрущева», «время Горбачева», время «при царе Горохе, ... в предыдущие эпохи», т.е. вообще всё прошедшее время *окрашено*, и прошедшее мы не видим в свете, а в цвете и в образе: средневековье например в темном, античность в золотом, архаику в сером. Для этого явления есть название: патина времени. Время покрывается патиной очень быстро, вообще всякое случившееся, явившееся, реальное время сразу окрашено настроением или, как чаще говорят, *погодой*: сегодня вот видите какая погода, погодой создается настроение, настроением окрашивается время. Окрашенного времени для сознания нет, оно не умеет с ним оперировать, перекрашивать его. Что новый день тоже будет окрашен, это известно настолько, что прогноз погоды передается по телевизору (если телевизор не украли) и все знают и ожидают какая будет погода. Но погода завтрашнего и сегодняшнего дня, дня действия, прежде всего *хорошая* или *плохая*. В каком смысле? Не в смысле эстетическом или научно-метеорологическом («у природы нет плохой погоды»), а «для занятий», или «для посева», или «для ведения военных действий» — для дел программы и расписания. Время приходит всегда как будто черно-белым, хорошим-плохим как светлым-темным и уходит всегда окрашенным, с патиной, и сознание снова и снова ожидает времени неокрашенного, которым оно могло, умело бы безраздельно распоряжаться; сознание не может принять, что время всегда и *приходит* уже окрашенным, т.е. не как время-колесо, а как время-пора. Можно сказать тогда, что сознание постоянно обманывает себя, обещая себе время как простор для своих планов и как *бланк* (бланк белый в смысле бесцветный), а окрашенное время относя всегда к прошлому и представляя себе прошлое всегда как время непроснувшегося сознания, как раннее или *детское* время. То же при взгляде например на «эпоху Ивана Грозного». При взгляде на

ребенка сознание видит, что у ребенка нет сознания. — Можно ли сказать тогда, что сознание именно в своем жадном ожидании — или наоборот страхе — нового дня промахивается мимо времени? Я думаю можно; и образ гадаринских свиней, ринувшихся с обрыва, тут не совсем неуместен. Сознание с каждым новым днем, со звоном будильника *врывается* в «свежее», «чистое» время и *срывается в несуществующее время как дурную бесконечность, мимо времени окрашенного, как поры.*

Возвращение к *настоящему* времени, которое *всегда*, и в прошлом и в будущем, имеет характер *поры*, может поэтому одинаково успешно начаться не только с отрезвляющего знания, что завтрашнее время тоже будет окрашенным и уже сейчас оно такое, но и с изменения взгляда на прошедшее время, с понимания, что оно *всегда*, и в архаику и в древности и в средние века было временем хорошей или плохой или пасмурной погоды, *а другим просто никогда не было*; всегда было временем такого-то *настроения*; или временем ломки настроения. Тут приоткрывается совсем другой подход к истории, чем как мы привыкли ее видеть в схемах, допустим, становления или распада российской государственности или распространения христианства. Но нам сейчас нужно. — Но у нас другое задание, и наша тема «пора» сейчас собирается вокруг контраста между *ожидаемой* порой для вмещения наших намерений и порой, которая сама определяет нашу историю, так что мы ни в коем случае не можем переступить за пределы, продиктованные порой, за ее горизонт не выступим, всё равно с каким бы возмущением сознание ни убеждало нас, что оно хозяин положения. Сознание будет убеждать нас, что это отчаяние, резиньяция, пассивность, будет приглашать нас в пространство его умственных, например философских, понятий, в котором оно мнимо распоряжается. Мы будем помнить и говорить, что между открыванием мнимо неокрашенного пространства каждого нового дня для якобы безраздельного распоряжения и *открытием* как прозрением есть разница, да еще какая. *Пора* заставляет думать о «моменте», который надо «ловить». Надо посмотреть, в каком смысле горациевское *carpe diem*, «лови, жадно схватывай день, свет», другое — и оно действительно совсем другое — чем заполнение бланков в еженедельнике бизнесмена. Горациевское *carpe diem* имеет в виду свет как *блеснувший* свет, прозрение, и близко к ἐξάίφνης, платоновскому «внезапно», в котором например золотодобытчик (можно вспомнить Гераклита) находит слиток золота, при том что копал он (опять Гераклит) явно не внезапно, а постепенно. Время и пора как открывшийся путь *внезапны*; но эта внезапность явно требует докапывания; это и нас тоже, начавших эту тему, касается. Что время это случай, верят, когда называют временником вельможу «в случае». «Временник» не тот кто на время, хотя и это тоже но во вторую очередь, а тот кто угадал во время как путь, проход, проток для воды. У Даля есть поговорка: пора — что проточная вода. И одно из значений древнеиндийского *вартман*, этимологии «времени», — проточная вода; то, что вдруг открылось, куда можно потечь.

В дополнение к тому, что я говорил в прошлый раз, к пониманию времени как способа я прочитаю по Словарю <русского языка> XI–XII вв., из Летописи: «Царь Калуям болгарский и загорский время обрет, многи гради греческия разруши». «Нашел время», т.е. нашел удобный

момент, или нашел способ. Одно хозяйственное распоряжение 1639 г.: «На указных своих землях хлеб посеять во время». — Не в смысле успеть к назначенному какими-то властями числу, а угадать нужную пору. Как в Изборнике Святослава: «Человек мудр умолчит до времени». Даже не в том смысле, что он выжидает себе, зная когда он начнет говорить, а — сам не знает, но придет время, придет пора.

В «прежде времени» мы теперь сплошь слышим «до назначенного/определенного срока», а раньше слышали «до того как сложатся обстоятельства», время как ситуация. *Постепенно* угасает, стирается в языке значение времени как поры. — Это шатание есть в слове *временник*, между чисто техническим значением («не постоянный», а бывает такой) — и тем, кто в удаче, случае, в фаворе. — Слово «временный» еще в XIII в. имело значение *уместный*, угадавший в пору. Из дипломатических бумаг 1666 г.: «Нам к королю ехать не временно». Не в том смысле, что мы едем к королю постоянно, а в том что не время, не пора, не сложились так обстоятельства. Или тоже из дипломатических бумаг более раннего времени, 1497 г., жену кто-то поучает: «И ты бы нынеча ко мне о том отписала, беременна ли еси, и как свое время чаешь, о которых днеш». Т.е. он просит с точностью до «дни», а не до недель, указать время, т.е. пору, своих родов. И еще, случай, когда по-моему такое шатание между временем как возможностью, открытым проходом и временем как сроком: «Время ти есть уже ити на угры» (Московская летопись). С одной стороны как будто бы «пора», или «давно уже пора» («... тебе идти на венгров»); но здесь стирается значение *давно пора* и переходит в просто «должен» (*должен* с той подкладкой, что и обстоятельства сложились так, что ты должен), выветривание времени-ситуации.

Потом мы должны будем яснее еще увидеть связь времени как «квартман», поры, прохода, протока, с «внезапным» случаем, моментом, о котором говорят, что он «неповторимый».

Среди вещей, поднятых Сёреном Кьеркегором, *экзистенция*, *ужас*, Хайдеггер называет *момент*. Кьеркегор пожалуй всех зорче увидел экзистенциальный феномен момента, «глазного взора», Augenblick. «Мгновение ока» это явно не калька с немецкого Augenblick, но это то же самое, Augen *глаз*, Blick *взгляд*, именно внезапный быстрый взгляд. — Кстати, странные немцы, а какой еще бывает взор если не ока, глаза? Это слово, как будто бы наивно выговаривающее лишнее, — русский тут обходится без упоминания «глаза», миг, мгновение это мигание, и так ясно какое, — способом *неназывания* называет или вернее намекает на другой Blick, на Blitz молнии, и тогда упоминание «глаза» становится уместно: то, что делает молния, на мгновение озаряет, как-то умеет делать и глаз, когда в самом кратком, какое только может быть, выглядывании как-то умеет уловить всё. С этой способностью глаза играет современная видеотехника, показывающая например на экране образы, которые сознание не успевает зафиксировать и опознать, а глаз успевает, показывая эту свою молниеносную способность. — Экзистенциальная интерпретация мгновения Кьеркегору, говорит Хайдеггер («Бытие и время», с. 338), не удалась, он остался привязан к расхожему, «вульгарному» (распространенному) понятию времени и

определяет момент с помощью теперь (момент $v\bar{u}v$) и вечности. Время для Кьеркегора остается большой протяженностью, в которую включен «теперь» человек. Человеческое «теперь» занимает сколько-то времени, да и то из этого малого времени прошлое уже куда-то делось, а будущее и не наступило и не надежно, так что держать, иметь человек может только вот это теперешнее, а схватить его он может только моментально, дальше оно опять ускользает. — Хайдеггер эту схему, развернутой простыни большого времени, «всемирной истории», календаря, в которую вкраплено, инкрустировано маленькое время индивида, да еще из которого в руках можно держать только крошечный момент, не уважает совсем, при ее старости и распространенности. Она из книг и из пространства сознания, она входит в тот хлам или не хлам, среди которого присутствие имеет *свое*, собственно единственное, дело, это дело — «как *быть*». Как *быть*, откроется или не откроется; не откроется, если не будет решимости, *ent-schlossenheit*, разомкнутости, именно решимости как разрешения задачи; такая решимость идет вместе с прозрением; миг, мгновенный как молния глаза взгляд, схватывает «ситуацию» размыкая ее, как запертую в темноте (скажем, такая глобальная, будто бы ясная схема исторического долгого времени, в которое вкраплено что-то, и так далее, на самом деле совсем непроглядная тьма; как и те образы, которые видят на своем экране платоновские пещерные жители), — схватывает в ее «вот», в ее такости, вместе с которым есть как «вот» присутствие. Моментом, мгновением как *Augenblick*, как взглядом глаза, молниеносным высвечиванием, открывается *просвет* бытия (не так что бытие имеет или дает просвет, а бытие и есть просвет). — К тому, как, насколько мысль Хайдеггера возвращается к надежно забытому, забытому и надежному, не обязательно знать; важно следить за делом, тем более что и он сам как возвращается к традиции ненамеренно, не эти у него «цели» (помните о *Ziel* и *Zeit*, родстве цели и времени), но всё-таки вот вам пример. Он называет бытие *просветом*. *Lichtung*, просвет бытия — в словаре *просека*, поляна в лесу, свободное пространство. Древнеиндийское слово «мир», *лока*, значит просвет, и толкуется так: в первобытном лесу (*рвана*) надо было сначала всё-таки вырубить хоть, какой-то просвет (*нирвана*, это предлог который означает снятие; *нирвана* как мир), чтобы было хоть что-то видно, и тогда начнется мир, начнется бытие, начнется история.

Несобственное (неподлинное) присутствие разобрано на то, во что оно впало, что оно обеспечивает, что его озаботило (с. 338). Ему важен успех, тогда оно ценит себя высоко, расстраивает неуспех; время приходит, ожидается, как шанс успеха, с угрозой неуспеха; оно и нужно, чтобы продолжать дело, оно и настораживает: какое оно будет? получится задуманное или не получится? Как погода будет хорошая или плохая, так деловой день будет удачный или неудачный, успешный или неуспешный; «посмотрим», «будет видно».

Это — *несобственный* способ бытия присутствия, потому что *собственно* оно не определяется ни успехом, ни неуспехом того, чем оно озаботилось и что оно обеспечивает, в широком смысле (например, чтобы преподавание в университете, или литературный процесс, шли на высоком уровне, на уровне, а не как-то кое-как) (может быть масса вещей, которыми озаботилось и которые оно обеспечивает). Среди всех

дел, которыми занято присутствие, оно всегда мое, дело для него идет, я сказал, прежде всего о том *как быть*. Присутствие как-то может, умеет, способно быть. Его экзистенция открыта, или вернее она и есть открытость возможностям быть. Среди этих возможностей есть одна исключительная, безотносительная, не-обходимая возможность, в том смысле что присутствие никогда не может ее обойти, превзойти, как-то миновать: возможность совершенно *не* быть, возможность умереть. Еще раз: любая другая возможность относительна, релятивна к обстоятельствам, кроме одной этой. Причем она остается именно возможностью: никогда в экзистенции и для экзистенции, пока экзистенция длится, возможность небытия не перестает быть возможностью. Подлинное присутствие начинается с решимости встретить этот ужас, *забежать вперед* в смерть, в неотменимую, абсолютную возможность — можете сказать способность — полного небытия. И вовсе не обязательно с этим забеганием вперед в смерть начинается пассивность обреченности; скорее очищаются, выверяются на *настоящность* — в свете возможности полного небытия — все другие возможности. Можете сказать, что в этой решимости присутствие решает себя как уравнение. Оно уже не ждет решения от того, успешным или неуспешным будет год, или день, или пятилетний срок договора, или что-нибудь чего надо дожидаться — но этой предельной возможности, полного изъятия себя из бытия, не надо дожидаться, она уже есть и *уже сейчас* проясняет, высвечивает *всю* мою ситуацию: она такая, что я имею дело с бытием, до самого его края, до небытия. *В настоящем*, которое открыто решимостью иметь дело с бытием вплоть до предельной возможности, прекращается разброс времени, его рассеяние по отведенным — или не отведенным — присутствию отрезкам. *Всё* время присутствия, и прошлое и будущее, открывается как *настоящее*. Нет причин этому настоящему кончаться: оно ведь *уже* поставлено на основе решительной встречи с окончанием, *окончанием так сказать создано*, и другого окончания этому настоящему не будет. Это *собственное* настоящее, а не то, которое в каждый отрезок «времени» ожидается и скоро не будет, Хайдеггер называет «мигом», Augenblick, «взглядом глаз». — После чтения Витгенштейна, о какой «смене аспекта» идет речь? Мы разбирали у Витгенштейна случай, когда внимание собрано не на разнице между одним и другим аспектом, а на переключении как таком. *Не так*, что (с. 338) взгляд расстается с тем, что было под его опекой и начинает (меняет аспект) видеть во всём другое, но *экстаз* это, если можно так сказать, остановка на движении смены, на том что одно при всякой смене.

Мы можем спокойно говорить вместо Augenblick мгновение, лишь бы только не воображать себе при этом какой-то краткий промежуток в протяжении времени, приходящийся на «теперь», а думать именно о *мгновении*, миге, в этимологической семье которого ср.-нж.-нем. (старое нидерландское) *ticken* «направлять взгляд, наблюдать». — Тогда феномен мига, мгновения к «теперь» как моменту перетекания времени из будущего в прошлое не относится! — В такой момент как в настоящее подлинное время (настоящее) входит прошлое и будущее: и они тоже оба не выходят за грань той границы бытия, на которую взгляд «мгновения» (как молнии) решается иметь мужество глядеть.

Такое «мгновение», именно «мгновение ока», как раньше обычно и говорили и что в точности равно немецкому «Augen-blick» (кроме этимологической связи со старым *micken* у «мига», а *micken* значило ровно то что теперешнее *blicken*, можно думать о связи *миг* и *мечта*, а ведь *мечта* и теперь еще в народной речи *видение*, *призрак*), вы замечаете, совсем другое, и его настоящее совсем другое чем мгновение и настоящее как мы привыкли раскладывать и отмечать на табло времени, но ведь Хайдеггер и предупреждал. Растянутое в ленту времени связано с представлением о мире как о расположении вещей в пространстве: здесь дорога, там канава, за канавой поле, потом лес и так далее, в целом мир. Надо еще спросить, откуда взялось это перебирание вещей в пространстве и времени.

Надо еще спросить, какая почва у мгновения, *Augenblick*. Я перевожу *Angst* *ужас*. Не хуже было бы говорить «тоска». И в ужасе и в настоящей тоске (на них еще надо рискнуть, от них нас отвадили) *голое присутствие* встречает недомашность, несвойскость всего всего в мире, так что не надо даже и перебирать вещи чтобы проверить, действительно ли нет ни одной с какой было бы уютно, — *всё* тоска. Голое присутствие брошено в неприютность; ему везде не по себе. Решимость в том, чтобы *не* бежать, не ждать когда это пройдет, «пройдет плохое настроение», а встретить это расставание как не-обходимую возможность, как *ту самую*. Мы в нее *брошены*. Принятие *этой* брошенности, на крайнюю возможность, *расставания*, разрешает тогда — или заставляет — принять всю нашу брошенность (мы все и всегда брошены во всё то во что мы брошены, в свое тело, время, страну...) как такую же не-обходимую: расставание получается не расстается, смотрите, с фактичностью, нашей, а прямо наоборот, *впервые* только ее принимает, с такой же безусловностью, с какой принимает ту, одну, исключительную возможность нашего бытия, именно что мы окажемся *вне* всякого бытия.